

СЕГМЕНТАЦИЯ «РЫНКА ИДЕЙ» В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Михаил Соколов
Мария Сафонова

Центр институционального анализа науки и образования
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Препринт ЦИАНО 2022
ciase.ru

Соколов Михаил — профессор факультета социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Почта для связи: msokolov@eu.spb.ru.

Сафонова Мария — доцент НИУ «Высшая школа экономики», научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Авторы благодарны за советы и консультации при составлении программы исследования и разработке опросника А. Абалкиной, А. Беляину, Ю. Вымятниной, К. Губе, А. Либману, Ю. Раскиной, Д. Раскову и А. Яковлеву. Мы также хотели бы поблагодарить В. Глухова (компания Elibrary) за организационную поддержку реализации проекта, и П. и Ю. Степанцовых (компания «Synopsis») за дизайн и программирование анкеты. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 21-18-00519).

Центр институционального анализа науки и образования открыт Европейским университетом в Санкт-Петербурге в 2017 году. Центр специализируется на изучении институциональных форм, в которых протекает академическая жизнь — организаций (университетов, исследовательских институтов), арен научной коммуникации (журналов, конференций), форм дисциплинарной самоорганизации (профессиональных ассоциаций). Центр исследует, под воздействием каких факторов эти формы возникают (государственная политика управления наукой и образованием, рыночные запросы, культурные, технологические и демографические сдвиги) и как они влияют на природу производимого знания.

Контакты:

**191187, Санкт-Петербург,
Гагаринская ул., д. 6/1, литера А,
Научно-исследовательский центр
«Центр институционального анализа науки и образования»
www.ciase.ru**

Аннотация

Что определяет восприятие учеными-экономистами работ своих коллег как «важных» или «значимых»? Нормативный ответ на этот вопрос предполагает, что профессиональное признание определяется исключительно качеством опубликованных работ. Со времен Мертона социология науки изучала иные, менее бесспорные основания для распределения признания. В этой статье анализируются результаты репутационного опроса 3563 российских экономистов. Целью анализа является определить, какие факторы предсказывают номинации респондентами тех или иных фигур как «внесших вклад в экономическую науку». Основным предиктором оказывается специализация номинируемых: особенно в полуавтономных субдисциплинах (бухгалтерский учет, аграрная экономика), голоса в основном распределялись среди специалистов в своей области, несмотря на то, что формулировка вопроса прямо требовала назвать имена обогативших российскую экономическую науку в целом. Предпочтения тех, кто не руководствуется «локальным патриотизмом», в значительной мере определяются двумя факторами: (1) ориентацией голосующих на глобальную или локальную науку и частично, но не полностью, пересекающейся с ней ориентацией на открытую рыночную или автаркичную изолированную национальную экономику, и (2) пониманием «вклада в экономическую науку» как узко-академического или более широко общественно-политического. В итоге, мы можем говорить о двумерном пространстве интеллектуальных предпочтений, структурированном, во-первых, оппозицией между глобально-рыночной и локально-изоляционистской ориентацией и, во-вторых, ориентацией на «журнальную» или «газетную» экономику. Однако, несмотря на выраженную поляризацию, мы не находим следов радикального неприятия работ фаворитов других сегментов.

Сегментация «рынка идей» в российской экономической науке

Введение

Данная статья является продолжением предыдущей [Соколов, Чечик, *в печати*], в которой приводились результаты репутационного опроса экономистов и оценки коллегами сравнивались с наукометрическими показателями. В этой работе мы задаемся вопросом о том, как устроены «группы поддержки», разделяющие общие представления о том, кто внес существенный вклад в науку, и пытаемся понять, что стоит за распределением признания среди экономистов. С момента возникновения социологии науки профессиональное признание (recognition) находилось в центре внимания ученых, работающих в этой области [Merton, 1968]. Ученые производят новую информацию и безвозмездно передают ее в пользование коллегам в обмен на публичное признание их заслуг [Merton, 1988; Stephan, 1996]. Это признание является источником как субъективного удовлетворения, так и экономического вознаграждения в форме возможности получить привлекательную позицию на рынке академического труда.

Почему ученые признают именно тех, кого они признают? Существуют по крайней мере четыре версии ответа на этот вопрос, не обязательно противоречащие друг другу, но намечающие разные программы изучения признания. Первая, **нормативная**, утверждает, что за признанием стоит качество признаваемой работы. Имплицитно, но нее опирается любая оценка достижений ученых с опорой на суждения их коллег, или высказанные прямо в ходе экспертизы, или узнанной косвенно, например, при подсчете цитирований. Остальные три версии предполагают, однако, что оценка качества подвержена воздействию иных факторов, отличных от абсолютных достоинств оцениваемой работы.

Вторая версия, **коммуникативная**, начинается с работ Мертона, пытавшегося найти объяснение тому, что научное сообщество предельно стратифицировано со львиной долей признания достигающейся сравнительно небольшому числу исследователей [Merton, 1968]. Не отрицая, что неравномерное распределение таланта играет тут роль, Мертон привлекал внимание к роли коммуникативных и институциональных механизмов, которые приводят к тому, что признание накапливается в руках тех, у кого его уже много («эффект Матфея») – например, потому, что имена ученых, однажды опубликовавших известную работу, превращаются в распознаваемый аудиторией сигнал [van Dalen, Henkens, 2005], и их новые работы привлекают повышенное внимание к себе и воспринимаются с большим доверием. К коммуникативной версии можно отнести и указание на эффекты институциональных границ: мы узнаем не о самых релевантных работах, а о работах, которые относятся к нашей области (потому, что так устроены каналы коммуникации; потому, что требования знать литературу в своей дисциплине насаждаются строже), и, соответственно, наше пространство внимания ограничено иногда довольно произвольными (суб)дисциплинарными границами.

Третья версия, **теория эпистемических культур**, начинается с того факта, что группы ученых могут иметь разные и иногда слабо согласующиеся представления о том, что такое «заслуги» и «достижения» в той или иной области. Естественной задаче изучения признания под этим углом становится каталогизация и систематизация представлений разных эпистемических культур о ценности разных форм и типов работы (valuation) [Lamont, 2009].

Наконец, четвертая, **политическая**, версия, отчасти продолжает и развивает предыдущие с их акцентом на прагматику признания. Поскольку публичное признание является основной валютой академического мира, его жесты признающим субъектом могут использоваться стратегически для того, чтобы улучшить свое собственное положение [Cronin, 1998]. Прежде всего, они могут быть обменены на симметричные жесты – индивиды цитируют тех, кто цитирует их (и не цитируют тех, кто не отвечает взаимностью на упоминание, следуя стратегии tit-for-tat Аксельрода). В этой ситуации, на признание обменивается не ценная информация, а на встречное признание. Далее, ученые могут признавать тех, кто с ними каким-то образом связан – или личными отношениями (своих учителей, друзей, учеников), или принадлежностью к одной группе (одному институту, одному типу биографии, сторонникам одного направления и течения, представителя той же политической партии и т.д.).

В той мере, в какой все эти эффекты вмешиваются в распределение признания, мы можем утверждать, что оно отклоняется от чисто нормативного образца – мы не можем сказать, что самые признанные работы – самые важные, но только что их признание отражает какие-то предубеждения, политические интересы и т.д. В самом пессимистичном сценарии, ученые делятся на «академические банды», некритически восхищающиеся лидерами своей группировки и отрицающими заслуги соперничающих групп [Scheff, 1995]. Распространенность подобных искажений давно является предметом изучения в социологии науки.

Наша работа по созданию репутационного рейтинга может рассматриваться в этом смысле как эксперимент, в ходе которого мы раздали широкому кругу ученых небольшой объем символического капитала и предложили распорядиться им по своему усмотрению. Формулируя это мысль немного иначе, если наука – это «рынок идей» [Coase, 1974; Delfanti, 2020], на котором научные результаты обмениваются на публичные жесты признания, то мы хотели описать сегментацию этого рынка на аудитории, готовые платить признанием за один и тот же тип интеллектуальных благ. Результат позволяет изучить факторы, стоящие за распределением признания. Если признание распределяется в пользу тех, кто принадлежит к определенной категории – например, представителей той же эпистемической культуры или политического лагеря – мы увидим, что респонденты делятся на аудитории по этому признаку, номинирующие разные авторитеты. Если, скажем, связь между талантами и поклонниками образуется по политическому признаку, то мы увидим, что выбор объектов почитания хотя бы частично предсказуем на основании политических пристрастий респондента, и так далее.

Разумеется, разные основания для выделения групп могут накладываться друг на друга. Если люди «голосуют» за тех, кто разделяет их политические взгляды, то происходит ли это потому, что они верят в ту картину мира, на которой основаны эти взгляды, и эпистемологию, которая согласуется с этой картиной мира, или потому, что они просто поддерживают своих однопартийцев? Вряд ли они сами могут уверенно это сказать, и сложно представить себе метод, который позволил бы наблюдателям как-то разделить эти мотивы. Можно, однако, фальсифицировать по крайней мере некоторые из подобных гипотез: если политические взгляды *никак* не определяют предпочтений, то группы поклонников той или иной фигуры не должны различаться по политическому признаку, и т.д.

Это и было целью исследования, проведенного исследовательской группой Центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в СПб в сотрудничестве с Научной электронной библиотекой Elibrary. Более точно, мы фокусировались на

влиянии нескольких переменных, связанных с субдисциплинарными границами, политическими (в разных смыслах этого слова) предпочтениям и академическими (или эпистемическими) культурами, на распределение профессионального признания. Мы также попробовали оценить глубину существующих расколов – степень взаимного отторжения или признания между разными аудиториями.¹

Процедуры и методы

Выборка

Детальное описание исследования приводится в предыдущей публикации [Соколов, Чечик, *в печати*]. Основным методом нашего исследования был онлайн опрос. В выборку были включены авторы, зарегистрированные в Elibrary, у которых (а) экономика была тематикой большинства публикаций, (б) которые опубликовали по меньшей мере 3 статьи в изданиях, индексируемых РИНЦ за последние 5 лет.² Письмо-приглашение к участию в опросе было отправлено 36746 авторам, соответствующим этим критериям. Опрашиваемые были разделены случайным образом на 6 подвыборок (А, В, С, D, E, F) по 6124 или 6125 авторов в каждой, из которых первые четыре опрашивались в ходе первой волны опроса в октябре-ноябре 2021, а две последние – второй (декабрь 2021). Анкеты, отправленные по разным подвыборкам, отличались набором вопросов.³ Всего на основные вопросы анкеты ответило 6392 респондента (17,4%).⁴

Переменные

Основной вопрос о научных достижениях и заслугах присутствовал в трех версиях. Основная формулировка звучала так: «По Вашему мнению, кто из ныне здравствующих российских экономистов за последние 3-5 лет опубликовал самые интересные и важные для развития экономической науки работы?» (варианты анкеты В, D, E, F). Кроме того, в двух подвыборках задавались вопросы «По Вашему мнению, кто ... внес наибольший вклад в развитие исследовательской области или областей, на которых Вы специализируетесь? (вариант анкеты А) и «Кого ... Вы предложили бы включить в общенациональное жюри экспертов (например, в экспертный совет ВАК, в жюри конкурса, распределяющего исследовательское финансирование)? (вариант С).

Далее, на второй волне опроса (варианты E и F) был добавлен закрытый вопрос, имевший формулировку:

¹Придумать слово, которым можно было бы описать сегменты рынков идей, оказалось достаточно затруднительной задачей. Продолжая политическую аналогию, мы могли бы говорить о таких образованиях как об «электоратах», а продолжая культурную – как об «аудиториях» или «кругах почитателей» или «фан-группах». Любое из этих определений, однако, стилистически и семантически оставляет желать лучшего. За неимением лучшего термина, мы будем, однако, писать о них как об «аудиториях» или «группах поддержки».

² Требование регистрации было продиктовано техническими ограничениями: в выборку попали те, к кому мы могли обратиться по электронной почте. Зарегистрированы, однако, были свыше 90% тех, кто соответствовал остальным двум критериям в базе Elibrary.

³ Ссылка на анкету была уникальной, таким образом, мы имели возможность отследить, какие анкеты начинали заполняться. Напоминание присылалось тем, кто не прошел дальше первого вопроса. В заключительной части анкеты, мы просили у респондентов разрешения использовать данные из их профиля РИНЦ. Данные, основанные на РИНЦ, приводятся только для респондентов, давших такое согласие (68,4%).

⁴ Учитывая сензитивный характер некоторых вопросов, мы оставляли возможность пропустить любой из них, в связи с чем число давших ответы на отдельные вопросы колебалось; 6392 - это число уникальных респондентов, приступавших к ответу на ключевые репутационные вопросы.

Данное исследование состоит из двух этапов. На предыдущем этапе мы также просили экспертов номинировать российских экономистов, которые «опубликовали наиболее важные и интересные для развития экономической науки исследования». Сейчас мы хотели бы оценить степень консенсуса по поводу таких оценок. Ниже приводятся некоторые из упомянутых на первом этапе имен. Мы попросим Вас сказать, знакомы ли Вы с работами этих ученых и согласны ли Вы с их оценками как «наиболее важных и интересных»?

Предлагался список из 34 имен (по 17 в каждом из вариантов). Помимо согласия или несогласия, можно было выбрать вариант «Не знаком с его/ее работами».

В дополнение к репутационному блоку, мы включили многочисленные вопросы, которые должны были позволить описать характеристики групп поддержки разных фигур. Заданные вопросы включали следующие пункты:

А) Области экономической науки, на которых специализируются информанты (использовался классификатор из 32 направлений, синтезирующий JEL и классификатор ВАК; на втором этапе были также добавлены несколько специализаций, указанных самим информантами как отсутствующие в предложенном списке). Задачей здесь было оценить силу эффектов, связанных с принадлежностью к той или иной специализации, в распределении признания. Коммуникация между учеными имеет тенденцию замыкаться в рамках субдисциплинарных границ – мы читаем профильные журналы и, соответственно, знаем больше всего о работе тех, кто активен в той же области, что и мы. С другой стороны, наша принадлежность к субдисциплине диктует нам политические соображения: мы все выигрываем от повышения статуса своей специальности, и готовность голосовать «за своих» может объясняться этим фактором.

Б) Эпистемические культуры. Нашей целью здесь было проверить предположение о том, что за голосами за авторитеты стоят разные эпистемические культуры – представления о том, какой должна быть экономическая наука. Мы попробовали, опираясь на доступную литературу, сформулировать несколько утверждений, которые характеризовали бы позиции информантов по некоторым широко дебатированным в мировом экономическом сообществе вопросам относительно состояния экономической науки и профессии экономиста. Первая группа этих вопросов касалась предпочтительности общей ориентации на глобальную (что, преимущественно, значит англоязычную) или национальную науку, [Beigel et al., 2018; Sokolov, 2019], вторая – отношения к математизации [Grubel, Boland, 1986] и третья – ориентации экономического знания на решение практических проблем или на построение более абстрактных теорий функционирования экономики [Colander, Klamer, 1986; Davis, 1997] (выборки А и Е);

Кроме того, ориентируясь на результаты более раннего исследования [Соколов, 2020], мы попробовали охарактеризовать академические культуры, к которым принадлежали респонденты, опираясь на неопросный показатель – средние импакт-факторы журналов, в которых были опубликованы или процитированы их статьи. В наивно-наукометрическом ключе, этот показатель может считаться показателем качества работы. Мы предполагаем, однако, что этот показатель также выдает более широкую ориентацию на «журнальную» науку [Флек, 1999] – в противовес другим традициям, в рамках которых акцент делается на учебниках, монографиях и или диссертациях как на основных продуктах академической деятельности, а журнальные публикации рассматриваются лишь как необходимое зло, навязанное ВАКом и министерскими требованиями к

продуктивности (показатель вычислялся для респондентов, давших согласие на использование их профиля).

В) Идеологические лагеря. Последняя форма академического фаворитизма, широко обсуждаемая в литературе, связана с политической поляризацией [Frey et al.1984; Mayer, 2001; De Benedictis, DiMaio, 2011; см.также остроумный эксперимент Javdani, Chang, 2019]. В социологии научного знания распространенным утверждением является то, что социально-научные (а до некоторой степени – и естественно-научные) теории являются продолжением политических идеологий. В случае с экономикой, из всех социально-научных дисциплин наиболее непосредственно участвующей в принятии политических решений, мы можем предполагать, степень взаимопроникновения научных оценок и морально-политических суждений особенно велика. Мы задавали, соответственно, вопросы из области макроэкономики и экономической политики, позиции по которым которые могли стоять за поддержкой тех или иных фигур (Выборки А, Е).

Г) Также задавались биографические вопросы (возраст, пол, ученые степени и т.д.) и вопросы о деталях занятости в качестве академического экономиста, включая текущую институциональную аффилиацию.

Идентифицируя группы поддержки

Нашим первым шагом было выделить группы авторитетов с пересекающимися аудиториями и, одновременно, аудитории с пересекающимися группами авторитетов. Для этого использовался алгоритм определения сообществ Ньюмана, рассматривающий массив данных как бимодальную сеть с двумя типами узлов – называемыми агентами и называемыми фигурами. Алгоритм делит эту сеть на кластеры, сегменты или модули, максимизируя число связей внутри модуля и минимизируя число связей, пересекающих их границы. Степень фрагментированности сети измеряется показателем модулярности [Newman, 2006] – метрики, которая для эмпирически наблюдаемых сетей варьируется от 0 до 1. «Правило большого пальца» состоит в том, что модулярность свыше 0,35 позволяет нам говорить о выраженной кластеризации. В нашем случае, модулярность для выбранного решения составила 0,695.⁵

Наша сеть была построена на основании вопроса об экономистах, внесших наибольший вклад в экономическую науку в целом (выборки В, D, Е, F). Она состояла из 3563 называющих (тех, кто назвал хотя бы одну идентифицированную фигуру во всех шести подвыборках) и 3092 названных (уникальных распознанных ФИО).⁶ Алгоритм разделил ее на 299 модулей. Подавляющее большинство из них, однако, состояли из одного-единственного называющего, который называл имена, не упомянутые никем более. Таких модулей было 247. Еще 16 модулей включали двух

⁵ Преимущество алгоритмов нахождения сообществ по сравнению с более ранними методами автоматической классификации – скажем, кластерным анализом – состоит в том, что они могут работать с разреженными графами, в которых значительная часть объектов выбирались 1-2 раза. Недостатком – то, что решения не уникальны и каждое новое запуску алгоритма приносит новую группировку. В случае с высокочластеризованным массивом вроде нашего, однако, различия между решениями невелики и касаются перемещений фигур, занимающих пограничное положение между модулями.

⁶ Экспертов просили назвать до 5 ФИО и приводился образец («Максимов Максим Максимович»), однако, далеко не все ему следовали. Помимо широкого использования инициалов и других легко исправимых автоматическими проблемами, мы столкнулись с опечатками и множеством ответов, которые не поддавались машинной классификации и требовали волевых решений (типа «никто не внес [вклад в экономическую науку], но А.А.Аузан – душка»).

человек, и лишь 31 включал 10 и более. Однако к этим 31 относилось 91,9% всех респондентов, причем на 7 модулей, к которым принадлежали 200 и более называвших, пришлось 56,5% номинаций.⁷ По статистическим причинам, наш следующий анализ ограничен характеристиками представителей этих семи крупнейших модулей.

В следующей Таблице 1 приводятся данные о численности 7 крупнейших групп поддержки, фигурах, которые их члены номинировали, областях интересов, которые они указывали, и базовые сведения об их социодемографических показателях – поле, среднем возрасте и доле постоянно живущих в Москве. Названия в первой графе условны; их обоснования будут приведены далее в этом тексте.

Модули	N	Основные фигуры	Области интересов	Доля мужчин	Ср. год рождения	Доля москвичей
"Автаркисты"	504	С.Ю.Глазьев, М.Г.Делягин, А.Г.Аганбегян, М.Л. Хазин, В.А.Мау		48,6%	1969	29,2%
"Рыночники"	332	А.А.Аузан, С.М.Гуриев, Я.И.Кузьминов, А.Л.Кудрин, В.Л.Иноземцев		47,3%	1972	29,2%
"Академики"	289	Г.Б.Клейнер, В.М.Полтерович, Г.С.Гринберг, В.Л.Тамбовцев, В.Л.Макаров	<i>Матметоды (26,2%), Институциональная экономика (18,2%)</i>	49,4%	1970	39,9%
«Школа ВШЭ»	235	Капелюшников Р.И., Нуреев Р.М, Гимпельсон В.Е. Шаститко А.Е. Автономов В.С.	Экономика труда (26,2%), Институциональная экономика (21,8%), Экономика населения (14,1%), <i>Поведенч. экономика (12,6%),</i> Эк.история (7,6%),	47,3%	1972	39,4%
"Регионалисты"	238	Н.В.Зубаревич, Н.А.Минакир, Б.Н.Порфирьев, В.А.Крюков, А.А.Широв	Региональная экономика (63,9%)	39,4%	1972	18,9%
"Бухгалтеры"	211	Мельник М.В., Ковалев В.В., Вахрушина М.А. Бариленко В.И. Ендовицкий Д.А.	Бухучет (68,9%)	21,5%	1973	24,0%
"Аграрные экономисты"	194	А.И.Алтухов, И.Г.Ушачев, А.В.Петриков, А.Н.Семинов, В.Я.Узун	Экономика сельского хозяйства (76,3%)	41,6%	1970	20,3%
Средние				41,8%	1971	30,8%

⁷ По сравнению с социологами, которые были предметом более раннего исследования [Сафонова, Соколов, 2021], надо отметить, однако, что степень концентрации у экономистов оказывается значительно ниже. Среди социологов на два крупнейших кластера приходилось 66,9%, в то время как у экономистов – лишь 21,2%. В случае с социологами, мы видим дуополию, в которой символический авторитет распределен всего между двумя центрами, в то время как у экономистов присутствует явная олигополия

Таблица 1. Характеристики крупнейших групп поддержки (жирным шрифтом выделены фамилии входящих в top-20 обобщенного рейтинга, для областей обычным шрифтом даны превышения средневыборочных значений в два раза, курсивом – в 1,75-2 раза.

Несколько наблюдений можно сделать на основании этого простого распределения.

Предметные области. Прежде всего, многие группы поддержки, на которые распадается аудитория экономистов, носят ярко выраженный тематический характер. В этом смысле, модули можно разделить на три категории. Первую группу составляют модули, характеризующиеся одной доминирующей темой, причем во многих случаях те, кто принадлежит к соответствующей аудитории, демонстрируют значимо меньший интерес к предметам, которые составляют ядро общеэкономического образования и, в этом смысле, объединяющий стержень дисциплины – эконометрике, макро- и микроэкономике и истории экономической мысли.⁸ Следующая группа модулей также имеет отчетливый тематический фокус при сохранении интереса к «мэйнстримным» темам (напр. «Регионалисты»). К последней группе относятся три крупнейших модуля – «Рыночники», «Академики» и «Автаркисты» – среди которых мы не находим вообще никакой однозначной тематической привязки (за исключением несколько большего интереса к математическим моделям и институциональной экономике среди «Академиков»).

В целом, эту структуру легко интерпретировать как следствие существования бюрократической классификации академических специализаций, которая приписывает – не без некоторой произвольности – к экономическим факультетам то, что в других странах представляет собой независимые дисциплины и профессии (бухгалтерский учет, менеджмент, маркетинг, логистика). В то же время, некоторые области, которые в других национальных контекстах тесно интегрированы в «мэйнстрим», в России оказались изолированы от него вследствие уникальной российской институциональной истории. Так, относительная изоляция аграрной экономики может объясняться тем, что она долгое время развивалась в институтах, принадлежащих к системе РАСХН и вузах, подведомственных Минсельхозу; на обособленность мировой экономики могло повлиять ее более близкое соседство с экономической географией, нежели с прочими экономическими специальностями и т.д.⁹

Тем не менее, даже среди принадлежащих к таким группам, специализация объясняет далеко не все в распределении признания. Так, хотя большинство среди отнесенных алгоритмом к модулю «Бухгалтеров» на основании их выборов авторитетных фигур составляют люди, сообщившие, что интересуются бухгалтерским учетом, лишь меньшинство (41,6%) среди заявивших, что учет является предметом их интересов, попали в данный модуль, и даже среди тех, кто не указал никаких других интересов, за «Бухгалтеров» проголосовали лишь 70,8%. Иными словами, многие из принадлежащих к сравнительно изолированным субдисциплинам предполагали тем не менее, что основной вклад в экономическую науку сделан за их пределами, в центральных «мэйнстримных» областях.¹⁰

⁸ К этой же группе примыкают не попавшие в таблицу в силу меньшей численности специалисты по экономике туризма, логисты, специалисты по социально-экономической статистике и некоторые другие субдисциплины.

⁹ Мы благодарны Анне Абалкиной и Александру Либману за эти наблюдения.

¹⁰ За счет этой раздвоенности между субдисциплинарной и общедисциплинарной лояльностью, можем отметить мы, периферийные аудитории гораздо менее успешны в продвижении своих лидеров в рейтинги top-20 в дисциплине.

Возникающая в итоге композиция экономических аудиторий имеет то, что в социально-сетевом анализе называется «центр-периферийной структурой» [Borgatti, Everett, 2000], сравнимой со структурой городской агломерации, в которой густонаселенный центр окружен некоторым числом (моно)городов-спутников (тем, кто предпочитает исторические аналогии, могут вообразить себе средневековый город с окружающими его слободами и предместьями). Прямое сообщение между предместьями отсутствует, и попасть из одного из них в другие можно, только пройдя через центральную площадь. Если есть какие-то фигуры, по поводу значимости которых специалисты по маркетингу и специалисты по аудиту могут сойтись друг с другом в оценках, то этими фигурами будут «Рыночники» или «Автаркисты».

Демографические различия. Продолжая наше описание экономического ландшафта, средний возраст обитателей модулей отличается значимо (так, различие между «Рыночниками» и «Автаркистами» значимо на уровне 0,05), однако, не слишком значительно (размер эффекта порядка 0,25 стандартного отклонения). В этом смысле, все модули обладают способностью к воспроизводству, и мы можем предполагать, что границы между ними не исчезнут сами собой при смене поколений. «Генерационные парадигмы», о которых писал Эндрю Эбботт применительно к социологии [Abbott, 2019], не существуют в российской экономике.¹¹

Гораздо более выражены гендерные контрасты. Некоторые из наших предместий имеют преимущественно женское население (среди бухгалтеров – 78,5% женщин, в других модулях – среди финансистов – 68,5%, среди маркетологов – 68,3%, среди специалистов по управлению персоналом – также 68,3% и т.д.). Напротив, в центральных областях соотношение мужчин и женщин примерно равно.¹² Это различие, однако, кажется производным скорее от того, что многие из специальностей, к которым привязаны «предместья», считаются женскими (бухучет, кадры), чем с тем, что существует выраженный гендерный фаворитизм, при котором женщины и мужчины отдают предпочтение разным фигурам. Во всяком случае на примере самой известной женщины-экономиста, Н.В.Зубаревич, мы не видим следов такого фаворитизма или дискриминации: вероятность назвать ее или согласиться с оценкой ее работы как внесшей вклад в экономическую науку (в закрытом вопросе) не зависит от пола респондента.

Наконец, есть отчетливая территориальная специфика – доля столичных жителей в аграрном модуле составляет всего 20,3%, в региональном – 18,9%, в то время, как среди «Академиков» москвичей в два раза больше – 39,9% (самым столичным, однако, является малый модуль мировой экономики, в котором из 94 человек москвичей 55 – 59%). Это различие объясняется, однако, скорее всего тем, что спрос на некоторые области специализации территориально неоднороден, а не тем, что экономисты в регионах голосуют против столичных авторов (тем более, что подавляющее большинство лидеров во всех субдисциплинах все равно проживают в Москве). Еще в советской модели организации науки региональные центры экспертизы должны были прежде всего обслуживать запросы региональных органов власти с их обусловленной территориальной спецификой проблемами, а столичные – запросы общенациональных министерств и ведомств. Это определяло повестку: глобальными и международными проблемами ведали столичные институции, а региональными – провинциальные [Соколов, 2011].

¹¹ В отличие от, например, социологии [Сафонова, Соколов, 2021].

¹² Надо отметить, что российская экономическая наука отличается от западной – особенно американской. На ее вершине, впрочем, также находятся почти исключительно мужчины – читатели (и читательницы) могли отметить, что в нашем списке top-20 присутствует лишь одна женщина – Н.В.Зубаревич.

Институциональные привязки. Институциональные привязки являются следующим «подозреваемым» в наблюдаемой сегментации. Может ли быть так, что экономисты в основном голосуют за представителей своей институции – потому, что лучше знают их работы, или в надежде повысить статус этих институций (и, соответственно, свой собственный)?¹³ Действительно, сразу в глаза бросается то, что основные авторитеты нескольких групп работают в одном учреждении. Так, «Академики» и «Школа ВШЭ» связаны с ЦЭМИ/ИЭ РАН и Высшей Школой Экономики соответственно (при этом, только про малую группу «Финансистов», связанную с Финансовым университетом, можно сказать, что их многое объединяет в плане научных интересов). Однако, хотя группы поддержки и преобладают в соответствующих учреждениях, сотрудники этих учреждений составляют сравнительно небольшую часть групп поддержки. Так, если всего к «Школе ВШЭ» относится 245 человек, то численность респондентов, которых мы могли соотнести с самой Вышкой среди них составляет 17 человек. Это, с одной стороны, значительная доля вышкинских респондентов (27%), с другой стороны – сравнительно небольшая доля ото всех попавших в данный модуль (6,9%). В этом смысле, при образовании групп мы имеем дело скорее с ориентацией на ту или иную институцию как на образцовую среди людей, не работающих в ней, чем с локальным патриотизмом ее сотрудников.

Что, однако, стоит за этой образцовостью? Здесь мы подходим к самой большой интриге этого исследования. Обнаруженные нами до сих пор различия между модулями не проливают никакого света на то, как возникают деления внутри центральной части экономического метрополиса, в которой три основные модуля практически неразличимы.

Взгляды на экономическую науку и роль экономиста. Прежде всего, мы проанализировали блок вопросов (выборки А и Е), касавшихся взглядов экономистов на цели и задачи экономической науки (Таблица 2). Ответы были подвергнуты факторному анализу (метод основных компонент с Varimax вращением), который выделил три фактора, в общей сложности объяснивших 47,5% вариации.

¹³ Чтобы избежать этих искажений, составители мировых рейтингов вузов исключают голоса за собственный университет.

	Глобализм	Кризис	Технократизм
Российским экономистам следует стремиться к сохранению и развитию национальной традиции в экономической науке	-,590		
В области наук о человеке и обществе приоритет при оценке исследовательских достижений российских ученых должен быть отдан публикациями на русском языке ¹⁴	-,595		
В своих исследованиях экономистам сегодня надо больше думать об описании фундаментальных принципов устройства общества, а не о решении проблем конкретных стран или предприятий.		,689	
Теории, созданные западными экономистами, многого не объясняют в российской жизни; нужно работать с собственными теоретическими моделями.	-,649	,344	
Эгоистичный и рациональный homo economicus представляет собой искаженную картину человеческой природы и в основном бесполезен для объяснения поведения в реальном мире.		,578	
Средний методический уровень статей в ведущих англоязычных журналах значительно выше, чем в ведущих российских, и молодых ученых следует учить ориентироваться на него.	,435		,522
Экономическое образование должно быть скорее ориентировано на передачу студентам прикладных знаний о том, как управлять предприятием или национальной экономикой, чем на трансляцию абстрактных теоретических моделей	-,468	-,385	,455
Проводя исследования, экономисты должны думать прежде всего об интересах своей страны и своего государства	-,734		
Многие достижения советской политекономии были незаслуженно забыты в последующие годы	-,621		
По культурным и историческим причинам различий между тем, как устроены экономики разных стран, больше, чем сходств, поэтому рецепты экономической политики, разработанные для одних стран, чаще всего неприменимы в других.	-,494	,377	
Школьнику, который хотел бы заниматься экономической наукой, можно порекомендовать поступить в бакалавриат на физико-математические специальности, а перейти к изучению собственно экономики уже в магистратуре.			,714
Говоря в целом, можно сказать, что сегодня мировая экономическая наука находится в глубоком кризисе		,460	,367

Таблица 2. Факторный анализ суждений об экономической науке (Выборка А, N= 900)¹⁵

¹⁴ Источником этого вопроса было Постановление Бюро отделения общественных наук РАН от 19 февраля 2020 Москва № 6 «Принципы установления нормативов публикационной результативности для научных организаций общественно-гуманитарного профиля».

¹⁵ В выборке Е задавался сокращенный блок вопросов, включающий пункты, выделенные жирным шрифтом.

Первый фактор самым очевидным образом противопоставляет **академические глобализм и локализм** – ориентацию на глобальную (производимую на английском, ориентированную на интересы и стандарты коллег по всему миру) или на локальную (производимую на русском и ориентированную на потребности и запросы национальной аудитории) науку. Второй фактор связан с отношением к (несколько стереотипно понятому) глобальному экономическому мейнстриму и восприятию мировой экономической науки как находящейся в **кризисе**; положительные значения по нему характеризуют тех, кто предполагает, что главная задача экономической науки – найти альтернативу этому мейнстриму, учитывающая национальные и кросс-культурные вариации. Наконец третий, несколько парадоксальный фактор, противопоставляет тех, кто соглашается с тем, что экономическая наука находится в кризисе, но делает из этого вывод о том, что ей лучше сосредоточиться на решении прикладных задач с использованием наилучших математических методов (**технократизм**), тем, кто не согласен ни с одним из этих утверждений.

Модули	Глобализм	Кризис	Технократизм
Рыночники	0,36	0,15	-0,08
Автаркисты	-0,06	0,17	0,01
Академики	0,20	0,15	-0,12
Регионалисты	0,16	-0,08	0,00
Аграрные экономисты	-0,11	0,06	0,19
Школа ВШЭ	0,46	0,10	-0,07
Бухгалтеры	-0,23	-0,28	-0,09
Эта ²	0,043	0,021	0,008

Таблица 3. Средние показатели по эпистемическим факторам для выделенных модулей (выборка Е, N = 900)

Средние баллы по каждому из факторов для тех, кто попал в наши модули (баллы были приведены к нормализованному виду со средним, равным 0, и стандартным отклонением 1, таким образом, различие между подвыборками можно интерпретировать как силу эффекта (effect size) приводятся в Таблице 3.¹⁶ Модули отчетливо различаются по своей позиции в локалистском-глобалистском спектре с силой эффекта, достигающей порядка 0,7 для полярных групп (показатель Эта² составляет 0,043). Самыми локалистскими модулями оказываются аграрные экономисты и бухгалтеры, глобалистскими – «Школа ВШЭ» и «Рыночники». Различие по двум другим факторам, характеризующим отношение к математизации, мейнстриму и прикладной миссии экономики, однако, гораздо менее выражены. В целом лишь в отношении шкалы глобализма-локализма есть основания утверждать, что предпочтения экономистов в значительной мере определяются им.

¹⁶ «Идеологические» вопросы задавались в выборках А и Е, но расчеты основаны на выборке Е, поскольку в выборке А основной репутационный вопрос требовал назвать тех, кто написал самые важные работы в собственной области респондентов. Мы использовали веса, полученные в анализе, проведенном на данных Выборки А.

Надо отметить, однако, что даже по данному сильно поляризующему фактору нельзя сказать, что локалистские и глобалистские взгляды являются предметом консенсуса в разных группах. Так, во всех модулях доля согласных и скорее согласных с утверждением «Теории, созданные западными экономистами, многого не объясняют в российской жизни» превосходить долю не согласных (в соотношении 46%/13% среди «Бухгалтеров» до 50%/24,4% в «Школе ВШЭ»). Фактически, единственным вопросом, по которому преобладающее в одних модулях мнения отличалось от преобладающего в других был вопрос об оценке относительного качества ведущих российских и англоязычных журналов. Согласны или скорее согласны с тем мнением, что статьи в англоязычных журналах в среднем лучше, было 47,8% «Рыночников» (при 28,3% не согласных) и 47,1% в «Школе ВШЭ» (при 28,7% не согласных). Среди «Автаркистов» соотношение было обратным (28,3% согласных при 48,5% не согласных) – заметное, но не кардинальное, различие.

Мы дополнили данные о декларируемых респондентами взглядах на науку данными об их публикационной активности, которые должны были, по нашему замыслу, уловить ориентацию на «журнальную науку». В Таблице 4 приводятся средние по импакт-факторам журналов, в которых (а) публиковались ученые и в которых (б) цитировались их работы.¹⁷

	Импакт-фактор публикующего журнала	Импакт-фактор цитирующего журнала
Рыночники	,4663	,4427
Автаркисты	,3642	,4009
Академики	,4948	,4646
Регионалисты	,5063	,4924
Аграрные экономисты	,4253	,4361
Школа ВШЭ	,6387	,5368
Бухгалтеры	,3683	,3638
Среднее и ст.откл.	,4102 (0,3733)	,4174 (0,3346)
F	37,039***	17,695***

Таблица 4. Наукометрические профили модулей (N = 2585)

«Школа ВШЭ», а также «Регионалисты» и «Академики» лидируют по измеренному наукометрически качеству изданий, в которых опубликованы их статьи, с «Автаркистами» и «Бухгалтерами», находящимися на противоположном полюсе. Распределение импакт-факторов цитирующих журнала отчасти сглаживает контраст, однако сохраняет те же направления.¹⁸

¹⁷ Достоинством этих метрик является их близкое к нормальному распределение. Чтобы нивелировать влияние тяжелого правого хвоста, показатели были рассчитаны на логарифмированных переменных с практически идентичным результатом.

Соблазнительно предположить, что мы тут имеем дело с тем же измерением, которое выше было названо локализмом – глобализмом – во-первых, потому, что глобалисты по логике вещей должны публиковаться в англоязычных журналах с их более высокими импакт-факторами, раз уж они верят в то, что уровень статей в них более высокий, во-вторых – потому, что журнальная ориентация в целом является частью глобальной академической культуры. И действительно, мы находим значимые, хотя и не слишком сильные корреляции. Глобализм дает корреляцию 0,234 со средним импакт-фактором журнала, в котором были опубликованы статьи, и 0,167 – с импакт-факторами журналов, в которых они были процитированы. Мы видим, что показатели связаны, хотя и далеко не тождественны.

Экономические доктрины и политические идеологии. Мы далее попробовали проверить, совпадают ли границы между аудиториями экономистов с границами популярности различных экономических доктрин. Для этого мы попросили респондентов выразить свое отношение к некоторым абстрактным утверждениям, адаптированным из более ранних западных исследований [Grubel, Boland, 1986; Davis, 1997] с добавлением нескольких пунктов из World Value Survey (выборки А и Е).¹⁹ Мы отбирали те из них, по которым, предположительно, разные группы экономистов имели меньше всего шансов прийти к согласию. В следующей Таблице 7 приводятся результаты факторного анализа, выделившего 3 фактора, объясняющих 41% вариации.²⁰

¹⁸ С этим согласуется то, что среди «Академиков», представителей «Школы ВШЭ» и, особенно, «Регионалистов больше сотрудников исследовательских институтов, центров и лабораторий. Также среди них больше тех, кто (а) выполнял исследования по научным грантам; (б) выступал анонимным рецензентом для российских и зарубежных журналов и (в) участвовал в экспертизе для госорганов. В целом, видимо, именно в этих трех группах оказывается сосредоточено больше всего активных исследователей.

¹⁹ Дополнительным смыслом включения вопросов из WVS было соотнести экономистов с «человеком с улицы» в смысле их экономических воззрений и морально-политических предпочтений. По итогам, можно сказать, что отличие между академической публикой и среднестатистическим обывателем куда меньше в России, чем в других исследованных странах [Fuller, Geide-Stevenson, 2007].

²⁰ Как и прежде, приведенные в Таблице 5 расчеты основаны на Выборке А, но в Таблице 6 показатели рассчитаны для Выборки Е.

	Открытость	Дефицит	Интеграция
Центральный банк должен стремиться к снижению уровня инфляции; вопросами экономического роста или снижения безработицы должно заниматься правительство		,498	
Рост бюджетного дефицита всегда оказывает негативное воздействие на экономику		,658	
Приватизация государственных предприятий как правило повышает эффективность их деятельности	,595		
Снижение налогового бремени на доходы от капитала содействует экономическому росту	,326	,372	
Пошлины и нетарифные барьеры для внешней торговли ведут к снижению экономического благосостояния	,355	,334	
Дефицит внешнеторгового баланса оказывает негативное влияние на экономику		,534	
Введение определенных ограничений на трансграничное движение капитала необходимо для обеспечения экономической стабильности	-,538		
Для экономического развития оптимальным является низкий уровень государственного и частного внешнего долга	-,366	,589	
Экономические санкции против России являются формой недобросовестной конкуренции со стороны западных стран, стремящихся под благовидным предлогом сдержать экономическое развитие нашей страны	-,578		,301
Россия скорее выиграла, чем проиграла от вступления в ВТО.	,462		,330
Евразийская интеграция содействует экономическому развитию России.			,570
Трудовая миграция из стран постсоветской Евразии создает больше преимуществ, чем проблем для России			,648
Экономически Россия безусловно выиграла бы, в одностороннем порядке отменив введенные в 2014 году контрсанкции	,560		-,324
Полный отказ от идеи плановой экономики и форсированный переход к рынку в 90-х были ошибкой	-,657		
Доля частной собственности в бизнесе и производстве должна быть увеличена	,638		

Таблиц 5. Факторный анализ суждений об экономической политике (Выборка А, N = 892)

Первый из этих факторов противопоставлял сторонников интеграции в глобальную рыночную экономику и сторонников замкнутой в пределах национального государства и подконтрольной

этому государству экономической системы. Иными словами, он соответствует предпочтению «невидимой руки рынка» vs. автаркичной «крепости Россия», неуязвимой для шоков извне, в которой любые ресурсы контролируются государством и могут быть легко мобилизованы и распределены им в политических или военных целях. Второй фактор объединяет разные понимания бездефицитности и стремления «жить по средствам». Третий фактор относится к экономической интеграции, в первую очередь евразийской.

Модули	Открытость	Дефицит	Интеграция
Рыночники	0,37	-0,11	0,10
Автаркисты	-0,27	-0,14	0,14
Академики	0,18	-0,31	0,14
Регионалисты	0,20	-0,10	-0,13
Аграрные экономисты	-0,22	0,22	-0,13
Школа ВШЭ	0,39	-0,27	0,18
Бухгалтеры	-0,07	0,27	-0,15
Эта ²	0,055	0,042	0,017

Таблица 6. Средние показатели по научно-политическим факторам для выделенных модулей (выборка E, N = 900)

В Таблице 6 мы видим, как те, чьи убеждения тяготеют к тому или иному полюсу, распределены между нашими модулями. Самый явный контраст прослеживается по первому фактору, с «Автаркистами», идеологически наиболее монолитными в своей ориентации на модель wartime economics (чем и обусловлено их название) и «Рыночниками» и «Школой ВШЭ» – наиболее последовательно выступающими против (сила эффекта для полярных групп 0,6, Эта-квадрат – 0,055). Второй фактор противопоставляет «Аграрных экономистов» и «Бухгалтеров» (вероятно, в силу профессиональной деформации сознания наиболее приверженных идеалам хорошо сходящегося бюджета) «Академикам». Наконец, в случае с третьим фактором, мы вовсе не видим значимого тяготения наших групп к тому или иному полюсу.

Как и прежде, однако, даже по первому фактору контрасты между группами оказываются умеренными. По большинству вопросов существуют преобладающие мнения, которых придерживается большинство ответивших во всех группах. Большинство во всех модулях не согласилось с тем, что Россия скорее выиграла, чем проиграла, от вступления в ВТО (за исключением «Академиков», среди которых сторонников и противников этого мнения оказалось поровну – 38,1% не согласных, 38,9% согласных) и согласились с тем, что санкции Запада – это форма недобросовестной конкуренции Запада (здесь число несогласных было выше всего в «Школе ВШЭ» – 54,2% согласных против 32,3% несогласных). Иными словами, мы видим, что границы модулей не совпадают с границами распространения тех или иных убеждений. Скорее, мы можем говорить лишь о большей или меньшей частоте, с которой в них встречаются определенные minority opinions, которые, тем не менее, остаются мнением меньшинства.

Читатели могут отметить, что ранжирование наших модулей по этому фактору располагает их в таком же порядке, как и ранжирование по измерению академического локализма и глобализма. Действительно, глобализм и ориентация на открытость экономики скоррелированы на уровне 0,492, и в этом смысле неясно, какой из них фактически дифференцирует группы. Мы попробовали ответить на этот вопрос с помощью регрессионного анализа.

Регрессионный анализ

Чтобы понять, какие факторы влияют на формирование групп поддержки непосредственно, а влияние каких опосредовано другими, мы использовали мультиномиальную регрессию. Результаты суммируются в Таблице 7. Базовой категорией были «Рыночники», в ячейках приводятся отношения шансов (приводятся только значимые отличия от «Рыночников» для каждой модели; континуальные переменные были нормализованы с тем, чтобы получить стандартное отклонение, равное 1).

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Аграрная экономика	Регионалы (0,547*), Аграрии (32,608***), Бухгалтеры (2,223*)				Аграрии (80,099***)
Региональная экономика	Регионалисты (4,446***); Бухгалтеры (0,484**)				Регионалисты (5,595***)
Бухучет	Регионалисты (0,18***); Школа ВШЭ (0,425*), Бухгалтеры (27,315***)				Бухгалтеры (17,513***)
Математические модели	Академики (1,613**), Аграрии (0,393**), Бухгалтеры (0,377***)				
Импакт-фактор		Автаркисты (0,590***), Школа ВШЭ (1,431***), Аграрии (0,850*), Бухгалтеры (0,608***)			Академики (1,517**), Регионалисты (1,317*), Школа ВШЭ (1,569**)
Глобализм			Автаркисты (0,571***); Академики (0,720*); Аграрии (0,646**); Бухгалтеры (0,591***)		Автаркисты (0,736*); Бухгалтеры (0,600***)
Открытость				Автаркисты (0,566**); Аграрии (0,590**); Бухгалтеры (0,687*)	Автаркисты (0,577***); Академики (0,742*); Аграрии (0,683*)
Snell and Cox Pseudo R²	0,434	0,070	0,048	0,057	0,527
Доля корректно предсказанных значений ²¹	36,8%	26,1%	25,9%	25,6%	41,6%

²¹ Baseline для доли корректно предсказанных является 23,7% – число «Автаркистов», самого крупного из модулей.

Таблица 7. Мультиномиальная логистическая регрессия с принадлежностью к 7 крупнейшим модулями в качестве зависимой переменной. Приведены статистически значимые отношения шансов.

В Модель 1 были включены 4 предметные области, которые были выше идентифицированы как позволяющие с наибольшим успехом сортировать экономистов по группам поддержки. В Модели 2 оценивается дифференцирующая роль импакт-фактора (у «Автаркистов», «Бухгалтеров» и «Аграрных экономистов» он значимо меньше, чем у «Рыночников», у «Школы ВШЭ» – значимо больше). В Моделях 3 и 4 анализируется влияние глобализма и ориентации на открытую экономику (опять же, «Рыночники» значимо отличаются по этому признаку от «Автаркистов», «Бухгалтеров» и «Аграрных экономистов», но не от остальных групп, за исключением «Академиков», различие с которыми на грани статистической значимости). Наконец, в Модели 5 все независимые переменные вводятся вместе. Предметные области сохраняют свое значение, импакт-фактор отчетливее дифференцирует «Рыночников» от лучше интегрированных в «журнальную науку» групп (прежде всего, «Школы ВШЭ»), а влияние глобализма и ориентации на рыночную экономику отчасти нивелирует друг друга, причем глобализм противопоставляет «Рыночников» «Бухгалтерам», а ориентация на открытую экономику – «Автаркистам» и «Аграриям».

Суммируя эти результаты, мы можем предположить, что пространство симпатий среди экономистов трехмерно. Одним из измерений является ориентация на открытый рынок vs. ориентация на wartime economics, и оно противопоставляет, прежде всего, «Автаркистов» и, в меньшей степени, «Аграрных экономистов» и «Академиков» «Рыночникам» и «Школе ВШЭ». Вторым измерением является академический глобализм, и он противопоставляет «Рыночникам» и «Школе ВШЭ» «Автаркистов» и «Бухгалтеров». Наконец, третье измерение задается ориентацией на журнальную науку, и в нем «Рыночники» занимают положение, близкое скорее к «Автаркистам», по другую сторону от более ориентированных на рецензируемую периодику групп («Школа ВШЭ», «Академики», вероятно, «Регионалисты»). Первые два измерения, однако, для большинства практически целей могут быть объединены.

В целях дополнительной валидации полученной модели, мы провели многомерное шкалирование номинаций восемнадцати чаще всего упоминаемых фигур (на Рисунке 1 приведены top-20 за исключением Алтухова и Кудрина, которые поднимали стресс двумерной модели до считающихся неприемлемыми 0,20).

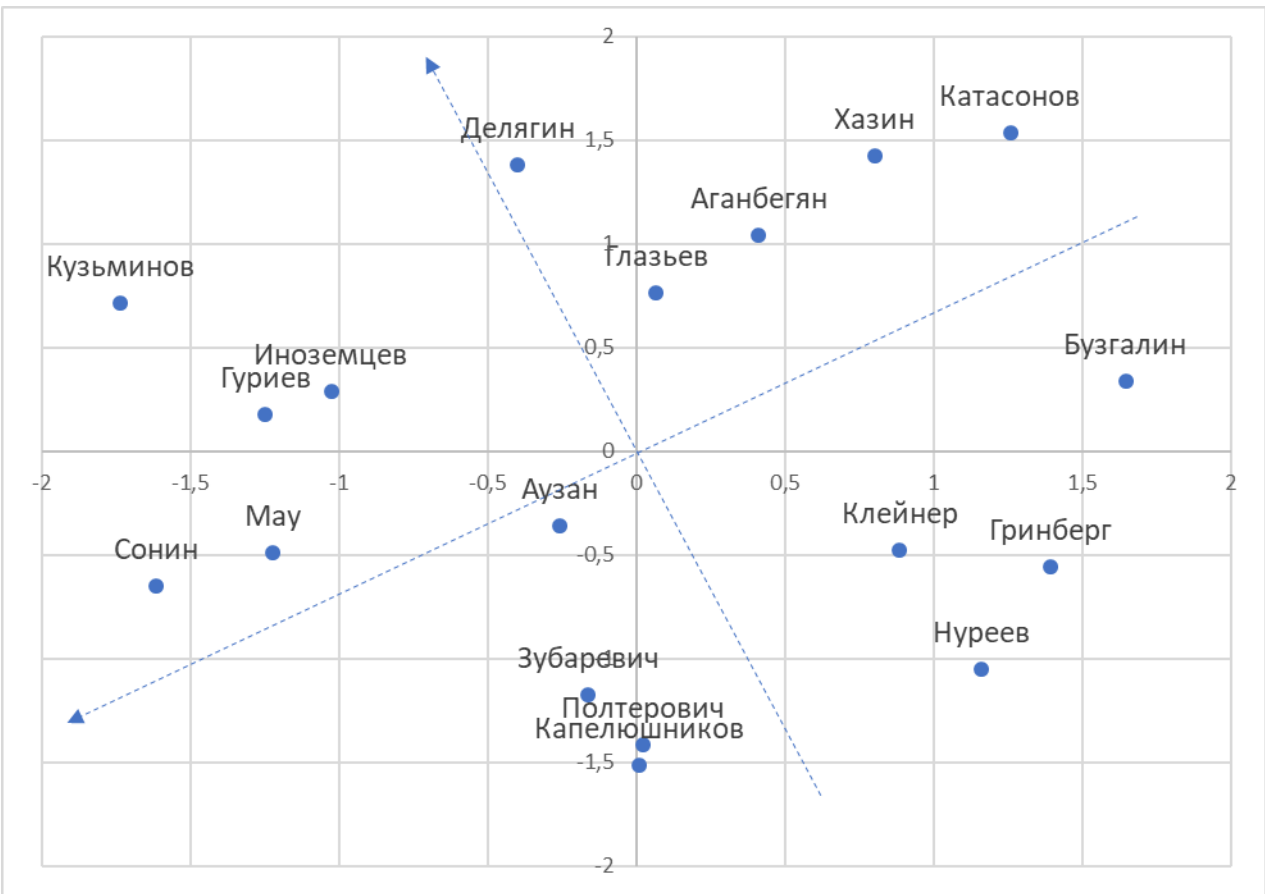

Рисунок 1. Многомерное шкалирование номинаций отдельных экономистов (алгоритм ALSCAL, выборки В, D, E, F, N=3563)

Близость имен друг к другу достаточно явно коррелирует с нашими модулями: «Автаркисты» находятся в правом верхнем углу, «Рыночники» – слева посередине, «Академики» – в правом нижнем квадранте, «Школа ВШЭ», представленная Р.И.Капелюшниковым и Р.М.Гринбергом, и «Регионалисты», представленные Н.В.Зубаревич – снизу, а А.В.Бузгалин (представитель небольшого модуля «Марксистов») находится между «Академиками» и «Автаркистами». Ось, противопоставляющая глобалистов-рыночников автарикам-локалистам проходит слева направо. Внизу оказываются фигуры, чьи группы поддержки в наибольшей степени вовлечены в журнальную науку – и которые сами в наибольшей степени в нее вовлечены (ранговая корреляция среднего импакт-фактора изданий, в котором опубликованы работы группы поддержки, с импакт-факторами самих поддерживаемых ими фигур составляет 0,557). Для точного соответствия описанным в тексте измерениям, однако, оси надо повернуть примерно на 30 градусов против часовой стрелки, как показано пунктирными стрелками на Рисунке 1 (многомерное шкалирование реконструирует дистанции между объектами, однако для интерпретации полученных осей иногда оказываются необходимы подобные упражнения).

Наши визуализация добавляет, однако, интересных деталей к портрету фигур, оказавшихся наверху. Если у Флека «журнальной науке» – состоящей из неподтвержденных гипотез – противостояла «наука учебника» – совокупность считающихся твердо установленными фактов – то в нашем случае на противоположном полюсе оказывается то, что можно назвать «газетной наукой». Ее авторитеты скорее появляются на страницах деловых газет – в качестве ньюсмейкеров и/или авторов программных статей – чем на страницах академической периодики. Контраст по

этой оси может быть контрастом между теми, кто включал в понятие «вклад в экономическую науку» общественное просвещение, выступление в масс-медиа и участие в выработке экономической политики, и теми, кто верит, что они существуют только в форме статей в рецензируемых журналах. Те, кто сами пишут такие статьи, склонны придерживаться второй точки зрения.²²

В какой мере наши сегменты «рынка идей» осведомлены о работе друг друга и в какой мере отвергают тех, кто не попадает в группу их фаворитов? На второй волне опроса экономистов был добавлен закрытый вопрос, в котором респондентов просили определиться с отношением к номинациям в качестве авторов, внесших вклад в экономическую науку – всего 34 фигур, часто называвшихся на предыдущем этапе. Результаты по самым известным фигурам в каждом из модулей приведены в Таблице 8 (как видно из Таблицы 1, известные фигуры распределены весьма неравномерно между нашими модулями, и ни одна из них не обнаруживается среди «Бухгалтеров»; мы добавили, однако, С.М. Гуриева, чье положение среди «Либералов» на основании автоматических сортировок было более бесспорным, чем у А.А.Аузана).

	Рыночники	Автаркисты	Академики	Регионалы	Аграрные экономисты	Школа ВШЭ	Бухгалтеры
Алтухов	8,9/23,2 55,4	11,1/30 51,1%	15,1/17 64,2	4/16 64,0	5/67,5 12,5	5,6/13,9 72,2	8,6/25,7 54,3
Аузан	7,2/63,8 21,7	10,6/43,6 28,7	1,8/44,6 37,5	5,5/58,2 25,5	5,7/40 42,9	12,8/66,7 5,1	6,1/33,3 45,5
Глазьев	19,7/63,2 3,9	6/83,8 4,3	15,8/68,4 5,3	8,3/72,9 8,3	10/80 2,5	31,9/48,9 10,6	2,9/65,7 31,4
Гуриев	7,5/67,2 14,9	15,2/39,1 26,1	17,5/49,1 22,8	9,4/56,6 22,6	21,9/40,6 31,3	13,2/55,3 15,8	6,7/33,3 43,3
Зубаревич	4,8/51,6 35,5	12,6/38,9 36,8	13/42,6 35,2	6,8/67,8 15,3	5,6/47,2 36,1	13,2/50 23,7	14,3/25 53,6
Капелюшн.	6,5/38,7 45,2	9,8/26,1 51,1	6/50 32	5/50 30	8,1/37,8 35,1	2,2/76,1 15,2	3,2/32,3 64,5
Клейнер	6,6/44,3 39,3	9,6/40,4 35,1	6,9/77,6 8,6	6,4/61,7 19,1	5,7/57,1 31,4	4,5/59,1 18,2	0/53,1 40,6

Таблица 8. Соотношение доля не согласных и согласных с оценкой данных фигур как внесших вклад в экономическую науку по модулям. Ниже – долей ответ «Не знаком с его/ее работой» (%)

Несколько выводов можно сделать на основании этих распределений. Ожидаемо, уровень осведомленности и поддержки каждой фигуры выше всего в ее модуле. В целом, «Бухгалтеры» оказываются наименее осведомлены о том, что происходит за пределами их вселенной – надо думать, в силу дисциплинарной изолированности. При этом, как и говорилось выше, полупериферийные группы (напр. «Аграрные экономисты») значительно лучше осведомлены о фаворитах центральных аудиторий, чем члены центральных аудиторий – о героях полупериферии. Остальные дистанции кажутся отражением позиции групп поддержки в двухмерном пространстве,

²² В предыдущей части отчета о данном исследовании, посвященном созданию репутационных рейтингов, отмечалось, что фигуры, сосредоточенные в верхней части графика – это как раз те экономисты, чье широкое признание не сопровождается высокими показателями цитирования (прежде всего, М.Л.Хазин).

одно измерение которого противопоставляет «Рыночников» и «Школу ВШЭ», с одной стороны, и «Автаркистов» – с другой, а второе – сугубо академически-ориентированные группы («Академиков», «Школу ВШЭ», «Регионалы») и более политически ангажированные («Западников» и «Антилибералов»). Как и на Рисунке 1 выше, присутствие второго измерения проявляется, например, в том, что противоположные в смысле политической программы «Автаркисты» и «Рыночники» оказываются в некоторых отношениях в большем согласии относительно того, кто внес вклад в науку, чем каждая из них – с более близкими в политическом плане группами. Это, видимо, приводит к некоторым парадоксальным на первый взгляд результатам автоматической группировки, относящей В.А.Мау к автаркистскому лагерю.

В заключение, надо вновь отметить, что политическая поляризация, хотя и присутствующая, не настолько сильна, чтобы привести к полному отрицанию заслуг оппонентов. Среди «Рыночников» число согласных с положительной оценкой заслуг С.Ю.Глазьева перед экономической наукой в несколько раз превосходило число несогласных, как и среди «Автаркистов» – согласных с аналогичных оценкой заслуг С.М.Гуриева. В ответе на соответствующий вопрос, удивительно высокое число респондентов предлагали адресовать «желающего разобраться в экономических проблемах неспециалиста» одновременно к выступлениям С.Ю.Глазьева и С.М.Гуриева.²³

Заключение

В этом исследовании мы стремились ответить на вопрос о том, как организован «рынок идей» среди российских экономистов – по каким принципам профессиональная аудитория делится на группы, имеющие общее понимание того, что есть «вклад в науку». Мы обнаружили несколько оснований для вариации в оценках, связанных с атрибутами информантов. Во-первых, играют роль тематические деления. В силу ли информационной изолированности, или в силу «субдисциплинарного патриотизма», но ученые-экономисты предпочитают тех, кто работает в одной с ними области. Этот эффект особенно заметен в случае с полуавтономными субдисциплинами, изолированными от экономического «мэйнстрима».

Вместе с тем, и значительная часть тех, кто относится к таким областям, «голосует» за тех, кто занимается мэйнстримной (в предметном смысле) экономикой. В этом плане, отношения между «мэйнстримными» и «немэйнстримными» группами экономистов асимметричны. Они образуют центр-периферийную структуру, в центре которой находятся те, чьи области специализации связаны с ядром экономического образования и в особенности – с проблемами макроэкономики и экономической политики, которая является предметом самого широкого общественного интереса. Их работы известны на периферии – в полуавтономных областях, в значительной мере изолированных от остальной дисциплины – значительно лучше, чем известны работы периферии в центре.²⁴ В этом смысле, информационную структуру дисциплины можно сравнить с оперным

²³ Со своей стороны, мы можем только посочувствовать неспециалистам, которым придется составлять свое представление о предмете на основании высказываний этих двух авторитетов.

²⁴ Важно отметить, что процедуры рейтингования, наподобие предпринятой нами (как и рейтинги, основанные на наукометрии) маргинализируют представителей меньших по размеру групп – они не могут набрать ни достаточного количества цитирований, ни достаточного количества голосов, чтобы попасть в списки top-20. Кроме того, использование метрик, особенно учитывающих качество публикаций, также дискриминирует некоторые из центральных групп, сдвигая баланс в сторону академического крыла дисциплины и обесценивая голоса тех, кто рассматривает «вклад в экономическую науку» более широко, как включающий и экспертную и просветительскую

театром, в котором каждый может рассмотреть соседей по балкону, но находящиеся на главной сцене макроэкономисты видимы для всех, хотя и издали, а подавляющее большинство остальных зрителей невидимо для них.

Внутри экономического «мэйнстрима» играют роль иные основания дифференциации. Их можно описать как двух- или трехмерную структуру, в которой измерениями являются, во-первых, выбор в пользу глобальной или локальной науки, во-вторых, ориентация на интеграцию страны в глобальную экономику или ее автаркичное существование, и, в-третьих, представление об экономике как преимущественно академической дисциплине или о граничащей с практической политикой занятии. Хотя эти основания для размежеваний коррелируют друг с другом (особенно первые два), они все же сохраняют значимые отличия. Во всех этих случаях не всегда возможно определить, какова природа предпочтения – говорим ли мы о политической поддержке лидеров своей партии, или о голосовании за ученых тех, чья картина мира совпадает с нашей собственной? Тем не менее, существование подобной структуры аудитории показывают, что критерии оценки научных заслуг, применяемые российскими экономистами, далеки от универсальных.

Структурированные таким образом сегменты аудитории слабее осведомлены о том, что происходит за их пределами, обладая некоторыми чертами «информационных пузырей», и, что неудивительно, им свойственно более скептически относиться к заслугам лидеров мнений других групп, нежели к своим собственным авторитетам. Мы не находим, однако, следов существования предельной фрагментации, в которой царил бы войн всех против всех, и группы полностью отрицали бы заслуги лидеров друг друга; скорее, речь идет о пролегающих между ними полосами отчуждения.

Ссылки

Белянин А.В., Бессонов В.А. О российской экономической науке и научном

сообществе // Экономический журнал ВШЭ. 2011. Т. 15. № 2. С. 265-268.

Мальцев А. А. Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // Вопросы экономики. 2016. № 11. С. 135-158.

Соколов М.М. За пределами Хирш-индекса: статусные сигналы среди российских ученых // Библиосфера. 2020. № 4. С.11-20.

Соколов М.М. Чечик Е.А. Академические репутации российских экономистов и их наукометрические оценки // Вопросы экономики (в печати)

Флек Л. 1999. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, 1999.

Abbott A. Career stage and publication in American academia // Sociologia, Problemas e Práticas. 2019. Vol. 90. P.9-30.

Borgatti S. P., Everett M. G. Models of core/periphery structures // Social Networks. 2000. Vol. 21. No.4. P. 375-395.

Coase R. H. The market for goods and the market for ideas // The American Economic Review. 1974. Vol. 64. No. 2. P. 384-391.

Colander D., Klamer A. The making of an economist // Journal of Economic Perspectives. 1987. Vol.1. No.2. P. 95-111.

Cronin B. Metatheorizing citation // Scientometrics. 1998. Vol. 43. No.1. P. 45-55.

Davis W.L. Economists' perceptions of their own research: A survey of the profession // American Journal of Economics and Sociology. 1997. Vol.56. No.2. P. 159-172.

De Benedictis L., Di Maio M. Economists' views about the economy. Evidence from a survey of Italian economists // Rivista Italiana degli Economisti. 2011. Vol.16. No.1. P. 37-84.

Delfanti A. The financial market of ideas: A theory of academic social media // Social Studies of Science. 2020. Epub ahead of print 17 Oct. 2020.

Grubel H.G., Boland L.A. On the efficient use of mathematics in economics: Some theory, facts and results of an opinion survey // Kyklos.1986. Vol. 39. No. 3. P. 419-442.

Fuller D., Geide-Stevenson D. Consensus on economic issues: a survey of Republicans, Democrats and economists // Eastern Economic Journal. 2007. Vol.33. No.1. P. 81-94.

Javdani M., Chang H. J. Who said or what said? Estimating ideological bias in views among economists // 2019.

Lamont M. How Professors Think. Inside the Curious World of Academic Judgment. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

Libman A., Zweynert J. Ceremonial science: The state of Russian economics seen through the lens of the work of 'Doctor of Science' candidates // *Economic Systems*. 2019. Vol. 38. No. 3. P. 360-378.

Mayer T. The role of ideology in disagreements among economists: A quantitative analysis // *Journal of Economic Methodology*. 2001. Vol.8. No.2. P. 253-273.

Merton R.K. The Matthew Effect in Science // *Science*. 1968. Vol.159. P. 56—3.

Merton R.K. The Matthew effect in science, II: Cumulative advantage and the symbolism of intellectual property // *Isis*. 1988. Vol. 79. No.4. P. 606-623.

Scheff T.J. Academic gangs // *Crime, Law and Social Change*. 1995. Vol.23. No. 2 (1995): 157-162.

Stephan P.E. The economics of science // *Journal of Economic Literature*. 1996. Vol. 34. No.3. P. 1199-1235.

van Dalen H., Henkens K. Signals in science - On the importance of signaling in gaining attention in science // *Scientometrics*. 2005. Vol. 64, No.1. P.209-233.

Zaostrovsev A. 2005. The principal conflict in contemporary Russian economic thought: Traditional approaches against economics // *HWWA Discussion Paper*. No. 329.